

от 30. УКТ. 38

Москва

Газета №

Молодежь в Художественном театре

Мои пожелания

Когда я начинал работу в Художественном театре, у нас не было еще «прошлого» молодежи. Это было естественно. Сам театр был тогда молод, и труппа его почти сплошь состояла из молодежи. Но чем больше МХАТ «входил в возраст», тем явственнее становилось, что театр должен заботиться о выращивании молодых актеров-кадров. Правда, еще 20 лет назад проблема смены поколений внутри Художественного театра, проблема передачи опыта стариков более молодым актерам, конечно, не была и не могла быть такой неотложной, как сейчас.

У нас в СССР работа о молодежи — самое почетное и самое ответственное дело целого народа в целом и каждого из нас в отдельности. Мы, старики МХАТ, знаем лежащую на нас обязанность. Творческая дружба поколений дает замечательные результаты.

Еще до начала моей работы над постановкой пьесы «Земля» я знал, что в нашем Художественном театре таится немало неразкрытых актерских дарований. Я повсюду заметал, какой неутоленной жаждой работать и творить охвачена наша молодежь. Надо поэтому черпать силы из собственных молодых резервов театра — решил я, как только стал «разрабатывать» пьесу «Земля». Для начала я привлек к участию в народных сценах представителей самого молодого нашего актерского поколения, т. е. тех, кто еще ни разу не получал самостоятельных ролей в спектаклях. Наблюдая участников массовых выходов в спектакле, я заметил, что некоторые из них обладают несомненными творческими знаниями. Одна из старух-крестьянок в финальной сцене «Земли» проследит реплику Оторожнев:

— Он сына моего убил!

Эти слова, произнесенные молодой актрисой Георгиевской, обратили мое внимание наутливающей правдивостью интонаций; реплика показавшая мне особенно емкой, насыщенной глубоким смыслом и лаконично выраженным чувством. И когда я начал распределять роли в «Достигаеве», я

решил доверить Георгиевской роль Тансии. Это был, конечно, до известной степени риск, но риск необходимый, оправданный. Да и вообще в театре, да и в жизни, не рискует только тот, кто ничего не делает.

Примерно так же родилась у меня мысль поручить самостоятельные роли в «Достигаеве» Комоловой, Маркову, Лебедевой после того, как они обратили на себя мое режиссерское внимание своими прогуманным исполнением безымянных ролей в народных сценах спектакля «Земля». И должен сказать, что, работая над ролями с этой дебютировавшей молодежью, я чувствовал гораздо больше ответственности, чем на других репетициях. Особая вдумчивость, какая-то не сравнимая ни с чем любознательность, которую молодежь проявляла на индивидуальных и общих репетициях, — все это заставляло меня записывать каждое слово, каждое режиссерское указание, замечание. Дело ведь не только в том, чтобы сказать актерам, как нужно сыграть тот или иной эпизод, кусок роли. И не в том только, чтобы актер послушно выполнял указания режиссера. Важно, чтобы он глубоко понял и убедился в верности указанных постановщика. Важно, чтобы, убедившись в справедливости указаний режиссера, актер шел к цели своим самостоятельным путем, добиваясь ее осуществления ему одному присущими выразительными средствами. Но это процесс длительный. Образ созревает в воображении, сознании актера так же медленно и постепенно, как плод созревает из зерна.

Не мне, постановщику «Достигаева», говорить о результатах актерской работы в спектакле. Об этом будут судить зрители. Я могу говорить только о работе актерской молодежи. Сложно важным и многообещающим результатом для меня, режиссера, является та атмосфера полного горения, тот творческий темперамент, который актерская молодежь, занятая в «Достигаеве», проявляла на репетициях. На всех стадиях работы над спектаклем.

Каждый новый спектакль театра должен обнаруживать новые творческие возможности труппы, должен рождать новых актеров. Такую задачу обязан ставить перед собой постановщик каждого нового спектакля.

Если в «Земле» впервые раскрылось полностью актерское дарование Гиббоза, то в «Достигаеве» и Георгиевская, и Комолова, и Марков, и Лебедева и другие показали, что они представляют полные надежды театру. Это — уже залога на будущее. Это — выступление, дающее дебиантам право на самостоятельную работу и над более крупными ролями.

В дни 20-летия Ленинско-Сталинского комсомола, когда вся Советская страна, весь народ радуется и гордится победами нашей молодежи во всех областях социалистического строительства, мне хочется сказать моим молодым товарищам несколько слов. Они безусловно талантливые молодые актеры. Мы, старики, уверены в их силах и верим в их большое будущее. Но я бы хотел, чтобы они помнили, что главной добродетелью советской молодежи является скромность и безразличная преданность своему делу.

Я бы хотел, чтобы нормальная для революционного актера лихорадка чередующихся взлетов и неудач миновала в будущем нашу актерскую молодежь. Я бы хотел, чтобы голову их не вскружили первые успехи, чтобы в течение всей жизни и работы в театре их не оставалось последнее мужество, чтобы они не боялись смотреть в глаза своим собственным недостаткам и чтобы они умели любые недостатки и любые неудачи преодолевать собственными творческими усилиями.

Л. М. ЛЕОНИДОВ,
народный артист СССР.

Беседы с режиссером

С первой же встречи с актрисой, которой предстояло сыграть роль Антонины в «Достигаеве», Л. М. Леонидов заговорил о самом главном. Он знал, что мне, молодой советской актрисе, никогда не приходилось встречать девушку, по характеру внутреннему содержанию похожей на Антонину Достигаеву. Он стал наводить меня на самостоятельные поиски решения образа. Делал это Л. М. Леонидов с величайшим тактом и умением. Каждая моя встреча с

Л. М. Леонидовым для разговора об Антонине доставляла мне огромное внутреннее удовлетворение. Эти встречи обогащали мое знание жизни, охватывали мой разум.

Леонид Миронович — режиссер исключительно темпераментный, способный зажечь весь ансамбль исполнителей и поддерживать в такт это состояние внутреннего горения в течение долгих месяцев. При всех неизбежных оплошках нашей работы, Леонид Миронович относится с величайшим доверием к актеру — даже тогда, когда тот играет не совсем в духе режиссерских указаний. Как-то на одной из последних репетиций «Достигаева» я, взволнованная, обратилась к Л. М. Леонидову:

— Леонид Миронович! Мне кажется, я теперь поняла все, что вы от меня хотите; кажется теперь я это сумею сделать.

Он остановил на мне свой внимательный взор и ответил:

— А вы не делайте того, что мне хочется, а ищите то, как вам подсказывает ваше внутреннее чутье.

На первой генеральной репетиции, когда спектакль смотрел В. И. Немирович-Данченко, он сказал Леонидову, что я декламирую. Леонид Миронович привал вину моей неудаче на себя, заявив, что это он виноват в неверной трактовке мною отдельных мест моей роли.

Леонид Миронович понимает, как важно и трудно актерское самочувствие. После генеральных репетиций он не раз передал мне чьи-то похвальные отзывы о моей игре. Но меня это не удовлетворяло. «А вы?» — спросила я.

Леонид Миронович остановил на мне печальный взгляд и ничего не ответил. После он стал меня успокаивать. Окончательное решение образа не всегда удается актеру на премьере: это может случиться и на 3, 5, 7-м спектакле. «Важно, чтобы вы сумели раскрыть какой-то внутренний клапан в своем сознании и заглянуть так свободно и непринужденно, как если бы вы жили на сцене». И я живу сейчас, что этот клапан раскрылся, и я сумела выразить в своей игре все то, чему меня так много, осторожно и тактично учил Леонид Миронович.

Н. ЛЕБЕДЕВА

На репетициях

Шура Булычева мне не сверстница. Она старше меня на целое десятилетие. Мне трудно было сразу передать своеобразный, неуравновешенный облик этого дичка, делущего из себя русского купца, «романившегося не на той улице». Сравнительно скоро я освоилась с повышенной угловатостью Шуры, ее безудержным темпераментом, неровностью ее характера в обращении с другими людьми. Но ведь это только внешний рисунок, а Л. М. Леонидов требовал от нас освоения самого существа образа.

Л. М. Леонидов удерживал меня также от утрировки внешней характеристики образа.

— Сильного много нарочитой угловатости в вашем поведении, — говорил он.

Мне, конечно, было нелегко сразу воспринимать каждый совет, каждое указание постановщика. Иногда тщательное Леоновича в мою работу напоминало действия умного хирурга, который выправляет мой «вывихнутый» темперамент. После того, как Л. М. Леонидов освобождал меня от чрезмерной истеричности в жестях и движениях Шуры, я чувствовала себя значительно крепче, увереннее, смелее.

Не мне судить о том, как я сыграла роль Шуры Булычевой. Мне лично кажется, что я ее сыграла не совсем так, как следует. Но огромное удовлетворение дает мне мысль о том, что я имела возможность учиться у одного из крупнейших мастеров первого поколения Художественного театра. Не только одной репликой, — часто одним словом Л. М. Леонидов умеет будить в актере фантазию, работу мысли. Он учит нас самому главному — уметь самостоятельно мыслить и искать, не утешаясь легкими достижениями или дешевым внешним успехом.

А. КОМОЛОВА